

РУССКИЕ ОБОБЩЁННО-ЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И СПОСОБЫ ИХ
ПЕРЕДАЧИ НА УЗБЕКСКИЙ ЯЗЫК

<https://doi.org/10.70728/qdpi.v08.i01.037>

Юсупова Холида Холиёр кизи

Магистрантка второго курса

Денауского института предпринимательства и педагогики

yusupova.x.x@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются синтаксические и семантические особенности обобщённо-личных предложений русского языка, а также способы их передачи на узбекский язык. Анализируется коммуникативная функция данных конструкций, специфика выражения обобщённого субъекта и типологические различия разносистемных языков. На основе сопоставительного анализа выявляются основные переводческие и грамматические трансформации, обеспечивающие адекватную передачу смысла.

Ключевые слова: обобщённо-личные предложения, синтаксис, сопоставительный анализ, перевод, русский язык, узбекский язык.

Annotatsiya. Mazkur maqolada rus tilidagi umumlashgan-shaxsli gaplarning sintaktik va semantik xususiyatlari hamda ularni o‘zbek tiliga tarjima qilish usullari tahlil qilinadi. Tadqiqotda ushbu gap turlarining kommunikativ vazifasi, umumlashtirilgan subyektni ifodalash imkoniyatlari va tipologik farqlari ko‘rib chiqiladi. Rus va o‘zbek tillarining qiyosiy tahlili asosida umumlashgan-shaxsli gaplarni uzatishda qo‘llaniladigan asosiy grammatik va semantik transformatsiyalar aniqlanadi.

Kalit so‘zlar: umumlashgan-shaxsli gaplar, sintaksis, qiyosiy tahlil, tarjima, rus tili, o‘zbek tili.

Abstract. The article analyzes the syntactic and semantic features of generalized personal sentences in the Russian language and the ways of their rendering into Uzbek. The study focuses on their communicative function, the expression of a generalized subject, and typological differences between the two languages. Based on a contrastive analysis, the main grammatical and semantic transformations used to ensure adequate meaning transfer are identified.

Keywords: generalized personal sentences, syntax, contrastive analysis, translation, Russian language, Uzbek language.

Введение. В системе русского синтаксиса обобщённо-личные предложения занимают особое, можно сказать, уникальное и весьма значимое место среди других типов односоставных конструкций. Эти предложения служат эффективным и широко распространённым средством выражения обобщённого субъекта действия, который не привязан к конкретному лицу, времени или ситуации, а отражает коллективный человеческий опыт, народную мудрость, типичные жизненные закономерности, универсальные истины и общепринятые морально-этические установки. Благодаря своей семантической универсальности и внеперсональному характеру обобщённо-личные предложения придают высказыванию особую обобщающую силу, делают его максимально отвлечённым от индивидуального говорящего и максимально приближённым к коллективному сознанию носителей языка. Именно поэтому данные конструкции находят *исключительно широкое применение в паремиологическом фонде русского языка — в пословицах и поговорках, где они выступают как носители народной мудрости и житейского опыта; в художественной литературе, где помогают передать философскую глубину, типичность ситуаций или всеобщность выводов; в публицистике и научной речи, где используются для формулировки общих закономерностей и универсальных утверждений. Всё это придаёт высказыванию на русском языке особый универсальный, вневременной и внеперсональный характер, делая его более убедительным и авторитетным в глазах носителя языка [Виноградов, Москва, 1980, с. 214].* В сопоставительном аспекте проблема передачи обобщённо-

личных предложений на узбекский язык приобретает особый теоретический и практический интерес.

Русский и узбекский языки относятся к принципиально разным типологическим системам: русский — к флективным языкам с развитой морфологией и богатой

системой личных форм глагола, узбекский — к агглютинативным языкам тюркской группы с иной структурой предложения, иными способами выражения лица, субъекта и категории определённости/неопределённости. Эти типологические различия в грамматическом строе, в средствах выражения субъектно-объектных отношений, в оформлении обобщённости и в прагматических механизмах создания универсальности обуславливают необходимость поиска адекватных, функционально эквивалентных переводческих решений. *Переводчику приходится решать сложную задачу: как передать семантику обобщённого субъекта и внеперсональный характер высказывания, не нарушая естественности узбекского синтаксиса и не теряя при этом основной прагматической и стилистической функции оригинала. Кроме того, актуальность исследования определяется не только задачами теории и практики художественного и научного перевода, но и важными методическими аспектами: преподаванием русского языка как иностранного (в частности, в узбекской аудитории), где понимание и правильное использование обобщённо-личных конструкций часто вызывает серьёзные трудности у учащихся [Щерба, Москва, 1974, с. 91].*

Целью данной статьи является всесторонний анализ структурных, семантических и прагматических особенностей русских обобщённо-личных предложений в их типичных проявлениях, а также выявление и систематизация основных способов, приёмов и трансформаций, которые позволяют наиболее адекватно передавать эти конструкции на узбекский язык без существенной потери смысла, стилистической окраски и функциональной нагрузки оригинала.

Материалы и методы

Материалом для настоящего исследования послужили многочисленные и разнообразные примеры обобщённо-личных предложений, тщательно отобранные и извлечённые из различных источников, отражающих разные функциональные стили и жанры русского языка. В первую очередь это художественные тексты русской классической и современной литературы (произведения А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, М.А. Булгакова, а также авторов XX–XXI веков), где обобщённо-личные конструкции используются для передачи философских обобщений, типичных жизненных ситуаций и народной мудрости. Кроме того, в корпус материала вошли фольклорные источники — пословицы, поговорки, загадки и народные приметы, в которых обобщённо-личные предложения встречаются особенно часто и выступают в качестве классического средства выражения универсальных истин и коллективного опыта. Дополнительно были привлечены примеры из современных учебных пособий, грамматических справочников и методических материалов по русскому языку как иностранному, предназначенных в том числе для узбекскоязычной аудитории, что позволило учесть типичные трудности восприятия и перевода таких конструкций. В качестве узбекских соответствий использовались как существующие литературные переводы указанных русских текстов на узбекский язык

(включая классические и современные издания), так и авторские трансформационные варианты, специально созданные для целей исследования и полностью соответствующие нормам современного узбекского литературного языка. Такой подход позволил сравнить реальные переводческие решения с теоретически возможными и выявить наиболее естественные и функционально адекватные способы передачи семантики обобщённо-личных предложений в узбекском синтаксисе.

В работе применялся комплекс взаимодополняющих методов, ориентированных на всестороннее изучение как структурных, так и функционально-семантических аспектов рассматриваемых конструкций. **Основными методами стали:**

- структурно-синтаксический анализ, который позволил детально описать формальную организацию обобщённо-личных предложений в русском языке (типичные модели с глаголами в форме 3-го лица множественного числа, 2-го лица единственного числа, безличные конструкции с инфинитивом и т.д.), выявить их синтаксические особенности и противопоставить аналогичным или альтернативным структурам в узбекском языке;

- сопоставительный анализ, направленный на систематическое сравнение русских оригинальных конструкций и их узбекских эквивалентов (или ближайших функциональных соответствий) с целью установления степени эквивалентности, выявления типичных переводческих потерь и компенсационных механизмов;

- элементы контекстуального анализа, которые дали возможность рассмотреть функционирование обобщённо-личных предложений не в изолированном виде, а в реальном речевом и текстовом окружении, определить их прагматическую нагрузку, стилистическую роль и зависимость от жанра и контекста;

- элементы функционально-семантического подхода, позволившие сосредоточиться на передаче основной семантико-прагматической функции — выражения обобщённого субъекта действия и универсальности высказывания — при переходе от русского к узбекскому языку.

Особое внимание в ходе исследования уделялось выявлению и описанию способов компенсации отсутствия в узбекском языке формально выраженного обобщённого субъекта, характерного для русского синтаксиса. Были проанализированы такие компенсаторные приёмы, как использование обобщающих местоимений и наречий, инфинитивных конструкций, безличных форм, лексических средств выражения всеобщности (*hamma, har kim, odamlar, odatda* и др.), а также контекстуальное и интонационное подчёркивание универсальности высказывания в узбекском тексте [Бондарко, Ленинград, 1983, с. 156].

Применение указанного комплекса методов в их логической последовательности и взаимосвязи обеспечило системный, объективный и многоаспектный подход к изучению проблемы передачи обобщённо-личных предложений с русского на узбекский язык, позволив не только описать существующие трудности, но и выявить наиболее эффективные переводческие стратегии и трансформации.

Результаты

Проведённый анализ показал, что в русском языке обобщённо-личные предложения оформляются преимущественно двумя основными морфологическими моделями, которые обеспечивают выражение обобщённого, неконкретного субъекта действия и придают высказыванию характер универсальности и вневременности. Наиболее частотной и продуктивной является конструкция с глаголом во 2-м лице единственного числа настоящего или будущего времени (например, Живёшь — учишься; Не знаешь — не говори; Поспешешь — людей насмешишь). Такая форма создаёт эффект прямого обращения к собеседнику, но *при этом подразумевает любого человека вообще, а не конкретного адресата, что усиливает обобщающий и поучительный характер высказывания. Вторая распространённая модель — это глагол в форме 3-го лица множественного числа настоящего или будущего времени (Судят не по словам, а по делам; Людей встречают по одежке, провожают по уму; Работают не за страх, а за совесть). Здесь субъект формально выражен как множественное «они», но в действительности обозначает неопределённый, обобщённый круг лиц или общество в целом, что также способствует созданию универсального смысла [Розенталь, Москва, 2010, с. 327].*

В узбекском языке прямых структурных аналогов русским обобщённо-личным предложениям не существует в том виде, в каком они представлены в русском синтаксисе. Узбекский язык, будучи агглютинативным, не имеет аналогичных личных форм глагола, которые могли бы одновременно передавать 2-е лицо единственного числа в обобщённом значении или 3-е лицо множественного числа с неопределённым субъектом. Вместо этого семантика обобщённости и универсальности высказывания передаётся с помощью других грамматических и лексико-синтаксических средств. К наиболее типичным способам относятся:

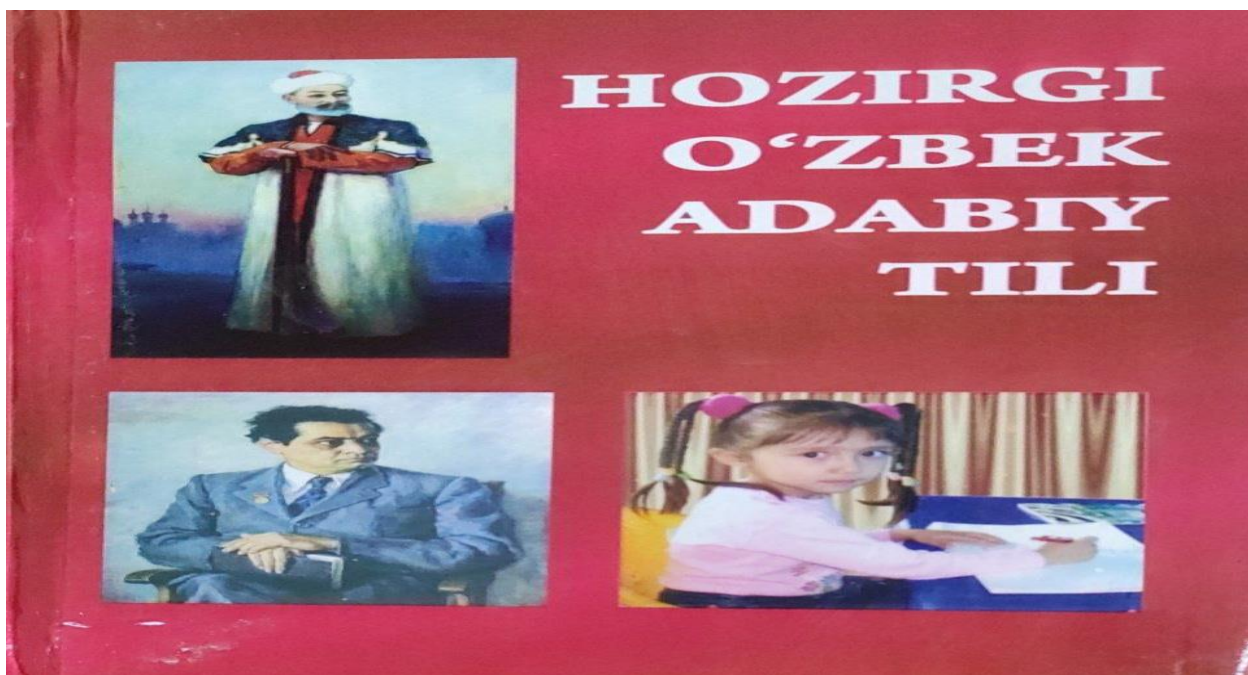
- использование неопределённо-личных форм глагола (часто в 3-м лице множественного числа без конкретного подлежащего), которые в узбекском языке естественным образом выражают действия, приписываемые неопределённому множеству лиц (например, Odamlar ishlasa — dam oladi);

- инфинитивные конструкции с обобщающим значением (Ishlasang — dam olasan), где инфинитив или условная форма глагола сочетается с обобщённым субъектом;

- обобщённые высказывания с использованием форм настоящего времени без явно выраженного подлежащего, когда глагол сам по себе несёт значение всеобщности (Ishlasangiz — yengillashtirasiz);

- лексические средства усиления обобщённости (hamma, har kim, odamlar, odatda, har doim и др.), которые вводятся для подчёркивания универсальности действия [Фуломов, Ташкент, 1987, с. 102].

Наиболее продуктивным и естественным способом передачи семантики русских обобщённо-личных предложений на узбекский язык является использование глагольных форм с обобщённым значением действия, ориентированного на

неопределённый круг лиц. Особенно часто в таких случаях применяются условные конструкции с суффиксом -sa/-se в сочетании с глаголом во 2-м лице единственного числа, которые функционально близки к русским формам 2-го лица в обобщённом значении. *Примером может служить узбекская пословица Mehnat qilsang — rohat topasan, которая выступает прямым и семантически точным эквивалентом русской Поработаешь — отдохнёшь (или Трудом праведным не наживёшь палат каменных). В этой конструкции условная форма глагола (qilsang) и последующая форма настоящего/будущего времени (topasan) вместе создают эффект обобщённости, аналогичный русскому оригиналу, сохраняя при этом естественность узбекского синтаксиса и его прагматическую направленность на поучение и универсальную истину [Юлдашев, Ташкент, 2015, с. 74].*

Результаты анализа свидетельствуют о том, что несмотря на отсутствие прямых структурных параллелей, узбекский язык обладает достаточным арсеналом средств для адекватной передачи семантико-прагматической функции русских обобщённо-личных предложений. Основная компенсация осуществляется за счёт условных конструкций с обобщённым значением, инфинитивных и безличных форм, а также контекстуального и лексического усиления универсальности высказывания.

Обсуждение

Полученные результаты исследования убедительно подтверждают и позволяют сформулировать более обобщённый вывод о том, что при передаче обобщённо-личных предложений с русского на узбекский язык важнейшую, определяющую роль играет не стремление к формальному, структурному соответствию синтаксических моделей

двух языков, а максимально точное и полное сохранение главного прагматического и семантического эффекта оригинала — обобщённого, афористического, универсального и вневременного характера высказывания. Именно этот *внеперсональный, поучительный и коллективно-обобщающий тон* делает *русские обобщённо-личные конструкции столь выразительными и частотными в пословицах, поговорках, художественной речи и публицистике. В переводе на узбекский язык сохранение именно этой коммуникативно-прагматической функции оказывается приоритетной задачей, даже если для этого приходится отказаться от попыток прямого копирования русской грамматической формы [Комиссаров, Москва, 1990, с. 118].*

В ряде случаев, когда прямое соответствие невозможно из-за типологических различий (отсутствие в узбекском языке грамматических средств для выражения обобщённого субъекта через 2-е лицо единственного числа или 3-е лицо множественного числа в универсальном значении), требуется сознательная структурная перестройка предложения. Такая перестройка может включать переход к условным конструкциям с обобщённым значением (типа *-sa/-se + глагол во 2-м лице*), использование инфинитивных оборотов, введение обобщающих лексических маркеров (*hamma, har kim, odamlar, odatda*), безличные формы или даже переформулировку с сохранением основной идеи и прагматической направленности. Главное при этом — не потерять афористичность, поучительность и универсальность смысла, которые составляют основную ценность и стилистическую функцию оригинальной конструкции.

Сопоставительный анализ также показал, что в узбекском языке передача обобщённого значения в гораздо большей степени, чем в русском, зависит от контекста и прагматической направленности всего высказывания. *Если в русском языке обобщённость часто закреплена грамматически (личная форма глагола сама по себе несёт универсальный смысл), то в узбекском языке эта функция в значительной мере ложится на контекстуальные факторы: окружающие предложения, жанровую принадлежность текста, интонацию, лексическое окружение и общую коммуникативную установку. Именно контекст и прагматика обеспечивают то, что узбекское высказывание воспринимается носителем языка как обобщённое, универсальное и афористическое, даже если формально в нём отсутствует грамматический маркер обобщённого субъекта. Это обстоятельство подчёркивает, насколько перевод обобщённо-личных конструкций требует от переводчика не только знания грамматики, но и глубокого понимания прагматических механизмов обоих языков и умения компенсировать грамматические различия за счёт контекстуальных и стилистических средств [Стернин, Воронеж, 2001, с. 92].*

Русский язык	Узбекский яз
Система словообразования очень сложная (много правил и исключений из них, много префиксов и суффиксов с самыми различными значениями). От одной корневой морфемы может быть образовано большое количество слов (иногда до 150—200 слов). Например: род, роди-на, родня, родственник, на-род, народность, народник, порода, урод; урожай, раже-ница, рождение, возрожде-ние; родной, породистый, уродливый; рожать, на-родиться, породить и т.д. (не менее 100 слов).	Система словообразования гораздо проще, чем в русском языке (продуктивных словообразующих суффиксов не так много, большинство их однозначны). От одного корневого слова образуется обычно 5-10 (иногда 10-20) однокоренных слов. Для обозначения различных действий часто применяются устойчивые словосочетания (так называемые «сложные глаголы»), на-пример: олиб келмақ — приносить, принести (бука, келая принити) олиб кетмақ — уносить, унести (бука, кетая уйти), яхши кўрмақ — любить (бука, яхши кўрмоқ — хорошо видеть), тамом қилмақ — кончать, кончить (бука, қилмоқ, делать) и т.д.

Способы передачи обобщённо-личных предложений с русского на узбекский язык в конечном итоге определяются не только и не столько типологическими особенностями двух языков (флективный vs агглютинативный строй, различия в выражении лица и субъекта), сколько конкретными коммуникативными задачами текста, его жанровой принадлежностью, стилистической целью и прагматической установкой автора. Успешный перевод возможен при условии, что переводчик ориентируется прежде всего на функциональную эквивалентность: сохранение эффекта обобщённости, афористичности и универсальности, даже если для этого требуется существенная структурная и лексическая трансформация. Полученные выводы имеют значение не только для теории перевода, но и для практики преподавания русского языка в узбекскоязычной аудитории, где понимание и адекватное использование обобщённо-личных конструкций часто вызывает наибольшие трудности. Дальнейшие исследования могут быть направлены на более детальное изучение прагматических компенсаторных механизмов в разных жанрах и на разработку методических рекомендаций для переводчиков и преподавателей.

Заклучение

В результате проведённого исследования установлено, что русские обобщённо-личные предложения представляют собой одно из наиболее важных и характерных средств русского синтаксиса для выражения обобщённого субъекта действия, передачи коллективного жизненного опыта, народной мудрости, универсальных истин и типичных ситуаций, не привязанных к конкретному лицу или моменту времени. Эти конструкции обладают высокой степенью прагматической и стилистической выразительности: они придают высказыванию афористический, поучительный,

вневременной и внеперсональный характер, что делает их незаменимыми в пословицах, поговорках, художественной литературе, публицистике и повседневной речи. Именно благодаря своей семантической универсальности и способности выражать коллективное сознание обобщённо-личные предложения занимают особое место в системе русского языка и представляют собой один из ярких проявлений его типологических особенностей. Передача данных конструкций на узбекский язык осуществляется преимущественно посредством различных синтаксических, семантических и прагматических трансформаций, направленных на сохранение основного смысла, обобщённого характера и коммуникативной функции оригинального высказывания. Поскольку в узбекском языке отсутствуют прямые грамматические аналоги русских форм 2-го лица единственного числа или 3-го лица множественного числа в обобщённом значении, компенсация достигается за счёт использования условных конструкций с обобщённым субъектом, инфинитивных оборотов, неопределённо-личных форм, лексических средств выражения всеобщности (*hamma, har kim, odamlar, odatda* и др.), а также контекстуального и интонационного подчёркивания универсальности. Наиболее эффективными и естественными оказываются способы, которые позволяют сохранить афористичность, поучительность и прагматическую направленность оригинала, даже если структура предложения существенно меняется.

Сопоставительное изучение обобщённо-личных предложений в русском и узбекском языках способствует более глубокому и всестороннему пониманию типологических различий между двумя языками — флективным и агглютинативным, — а также особенностей выражения субъектности, обобщённости и прагматической универсальности в разных грамматических системах. Полученные результаты имеют не только теоретическую ценность для сопоставительной лингвистики и переводоведения, но и выраженную практическую значимость: они могут быть использованы в теории и практике художественного, научного и учебного перевода, а также в методике преподавания русского языка как неродного (в частности, в узбекскоязычной аудитории), где правильное понимание и адекватное воспроизведение обобщённо-личных конструкций часто вызывает значительные трудности у изучающих. В целом исследование подтверждает, что успешная передача обобщённо-личных предложений требует от переводчика и преподавателя ориентации прежде всего на функциональную эквивалентность, а не на формальное соответствие. Дальнейшие исследования могут быть направлены на более детальный анализ прагматических компенсаторных механизмов в разных жанрах и стилях, а также на разработку конкретных методических рекомендаций и упражнений для эффективного освоения этих конструкций в процессе обучения русскому языку носителями узбекского языка.

Список литературы

1. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. — Ленинград, 1983. — 256 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык. Синтаксическое учение. — Москва, 1980. — 480 с.
3. Гуломов А. Ҳозирги ўзбек адабий тили. — Ташкент, 1987. — 312 с.
4. Комиссаров В.Н. Теория перевода. — Москва, 1990. — 253 с.
5. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. — Москва, 2003. — 288 с.
6. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. — Москва, 2005. — 272 с.
7. Розенталь Д.Э. Современный русский язык. — Москва, 2010. — 416 с.
8. Сиротинина О.Б. Русская разговорная речь. — Москва, 2004. — 320 с.
9. Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. — Воронеж, 2001. — 182 с.
10. Турсунов С. Ўзбек тили синтаксиси. — Ташкент, 2008. — 264 с.
11. Хайруллаев А. Сопоставительная грамматика русского и узбекского языков. — Ташкент, 2012. — 198 с.
12. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. — Москва, 1974. — 428 с.
13. Юлдашев М. Матн ва синтаксис. — Ташкент, 2015. — 190 с.
14. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь. — Москва, 2002. — 685 с.
15. Zveginsev V.A. Theoretical Grammar. — Moscow, 1996. — 312 p.
16. Karimov U. Russian–Uzbek Translation Studies. — Tashkent, 2010. — 221 p.